

КНИГА О ЖИЗНИ КАНТОВСКИХ ИДЕЙ

Калинников Л. А. Э. Т. А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. — 241 с. (Сер. «Кант в мировой культуре»)

Философия Канта — это своеобразный фокус в истории европейской философии, куда сходятся все предшествующие линии ее развития, где, как в тигле, переплавляются ее интеллектуальные усилия и рождается новое направление мысли, в русле которой оказывается все последующее ее развитие. То, что в философии после Канта нельзя и шагу ступить, чтобы хоть как-то не соприкоснуться с кёнигсбергским мыслителем, это хорошо известно каждому философу. Но то, что Кант столь же значим и для других областей культуры, не так очевидно. Однако если философия — это квинтэссенция культуры, выраженная в мысли, или, как мы учим студентов, это осмысление конечных оснований культуры, тогда та философия, которая стала квинтэссенцией самой европейской философии (а это, несомненно, философия Канта), не может не отразиться, не может не выразиться в самой культуре.

Книга Л. А. Калинникова — прекрасное тому доказательство.

Автор обращается в этот раз (уже хорошо известны его статьи и книга, посвященные отражению философии Иммануила Канта в русской культуре) к творчеству младшего современника Канта, его студента, слушавшего лекции знаменитого профессора Альбертины, писателя Эрнста Теодора Амадея Гофмана.

Гофман и Кант. Л. А. Калинникова не интересуют прямые отклики немецкого писателя на философию Канта, автор монографии стремится показать кантовскую тональность, кантовский колорит творчества Гофмана. Речь идет не о переносе идей из одной области культуры в другую, а об установлении созвучий, идейного контрапункта между литературой и философией. А это требует особого, умного чтения художественного произведения, когда читатель видит не только его слои (например, фабулу, сюжет), но и переключку его с другими текстами. Это отношение к литературному произведению как к культурному достоянию, как к гипертексту достигается помещением его в культурный и социальный контекст. Социальные напряжения мысли многообразны и меняются время от времени, но они *инвариантны по форме*, — справедливо замечает Л. А. Калинников, — а некие резонаторы сознания гениев улавливают эту инвариантную форму, идя много далее конкретного содержания исторических задач эпохи» (с. 25).

Рассматривая загадки «Крошки Цахеса», Калинников показывает, как в образах и сюжетных ситуациях «Циннобера» просвечивают идеи знаменитого памфлета Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». Более того, сама фантастическая история о том, как маленькому и гадкому уродцу

благодаря дару феи Розабельверде (она же фрейлен Розеншен) приписывают успехи всех тех, кто его окружает: поэт читает свои стихи, посвященные возлюбленной, — все восторженно благодарят уродца за великолепные стихи, а поэту вменяют все кривляния карлика, скрипач исполняет свою коронную пьесу, а все аплодисменты достаются ничтожеству и т.д. — сама эта история двоимирия определяется особым дуализмом Канта — картина мира в уме и сам по себе мир — не одно и то же, на что указывает Калинин (с. 9). Крошка Цахес, присваивающий себе достижения других, олицетворяет саму власть социальности как отчужденную от человека силу. Это, если угодно, некая универсальная сила социальности, или, отсылаясь к кантовскому языку, — трансцендентальная сила, оформляющая любые достижения человека. Гофман вслед за Кантом (и благодаря ему) проникает в механизмы действия универсальных культурных и социальных сил, но он как писатель, для которого судьба *конкретного* человека важнее, чем открытие законосообразности, видит порочность (или, во всяком случае, трагичность) действия этого механизма, ибо последний ограничивает свободу человека. Поэтому его «Крошка Цахес» становится не сказкой, а, как совершенно справедливо утверждает Калинин, антиутопией, разоблачающей «просвещенный режим», и, если угодно, прозревающий судьбу самого Просвещения, которое, в конце концов, породило мировые войны, Освенцим и ГУЛАГ.

С огромным удовольствием читаются страницы, посвященные изящному анализу знаменитого романа Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра». Отталкиваясь от разграничения *кантиански образованным* котом Мурром *рассудка и разума*, Л. А. Калинин показывает, что дело не ограничивается умелым, свободным и весьма изощренным употреблением котом Мурром кантовской терминологии, а что весь роман разворачивается в поле смысла антропологической концепции Канта. Калинин раскрывает смысловую мелодию романа о воззрениях кота Мурра, в которой слышится тон кантовой философско-антропологической концепции в различных выразительных мелодических штрихах. Прочитанный смыслами кантовской антропологии роман Гофмана по-новому раскрывает свою жанровую природу — он обнаруживается как философско-антропологический роман.

Проведенное не литературоведом, а философом исследование творчества Гофмана в его связи с идеями Канта позволило прийти автору книги и к значимым для истории литературы выводам: анализ характера восприятия мира немецким писателем и его творческого стиля дал основание утверждать, что традиционная трактовка Э.Т.М. Гофмана как романтика должна быть отвергнута. «Устроенное на кантианский лад мировоззрение Гофмана проявляется как в содержании его творений, — пишет Калинин, — так и в его *эстетической и художественной методологии*», которая показывает, что она выходит за рамки классически понимаемого романтизма (с. 26). «Он [Гофман] совершенно свободно играет всеми элементами романтического стиля, перемешивает и сталкивает их, давая понять, что они важны не сами по себе, а выполняют служебную функцию и используются уже в надромантических целях», — заключает Л. А. Калинин (с. 27). А потому творчество Эрнста Теодора Амадея Гофмана — это *преодоление романтизма*.

Но не только Кант помогает автору монографии читать и понимать Гофмана, Гофман тоже дает возможность высвечивать новые аспекты творчества Канта. Философско-антропологический роман о воззрениях кота Мурра, выросший в атмосфере кантовской философии, позволил Л. А. Калининкову саму философию профессора Альбертины осмыслить как философию трансцендентальной антропологии. А это уже достижение в кантоведении.

Что можно сказать о смысле (или жанре?) самой книги Л. А. Калининкова?

Это философский анализ творчества Гофмана? — Вряд ли!

Это литературоведческий анализ? — Нет!

Это анализ мировоззрения Гофмана? — Тоже нет!

А что это? Думаю, что исследование Л. А. Калининкова — это философско-культуроведческие размышления о проникновении идей в ткань культуры. В данном случае — о включении в мир культуры идей Иммануила Канта, предмета постоянного нежного внимания автора.

И напоследок — одно собственное размышление о жизни идей в культуре.

Вот перед нами интереснейшая книга, но издана она тиражом всего в 300 экземпляров! 300 экземпляров на миллионы читающих! Как же будет жить ее мысль в этой среде!? Что такое 300 прочитавших?

Конечно, во времена Канта тоже тиражи были невелики, тоже могло быть 300 экземпляров. Но это было время, когда звучал голос только этих 300 читающих. И его слышали другие, не читающие.

А сейчас?

Голос прочитавших книгу никто не услышит в гуле плясок, криков, смеха и записанных на пленку аплодисментов, которые звучат в каждом доме с экранов ТВ, или среди поспешных заявлений в блогах Интернета. Информационный шум, говоря современным языком, глушит значимые для культуры мысли.

Что делать? Опять этот вечный русский вопрос!

*В. А. Конев,
д-р филос. наук, проф.,
заслуженный деятель науки РФ,
зав. кафедрой философии гуманитарных ф-тов
Самарского государственного университета*